

чилось с первым в России музеем писателя Константина Воробьева. Это сегодня он признанный прозаик, чьи рассказы включены в школьную программу. А тогда, несмотря на первые публикации в толстых журналах, действовавшие по указке сверху еще не могли определить: пора ли вычеркивать его из черных списков предателей родины. За музей, созданный, считай, на голом энтузиазме, без малейших бюджетных затрат, ей грозили увольнением (а была она вторым секретарем Медвенского райкома партии).

Сегодня, привозя своих студентов в Нижний Реутец, Галина Павловна говорит им: «Ребята, снимите обувь. Пыль здешних дорог помнит Константина Воробьева». И снимают. И прислушиваются к гулким ударам своего сердца... (Правда, есть и такие, кому это имя ничего не говорит. Но это уже о другом).

А музеи (да-да, их несколько) занимают в жизни Огороковой далеко не последнее место. Она уверена, что ни один не появился случайно. Всегда был какой-то знак. Будто кто-то свыше диктовал волю и даже спал помощников.

Началось все, впрочем, с мысли, с внутреннего ощущения неудовлетворенности.

Тот, кто помнит партийную иерархию советских лет, знает, что такое второй секретарь, секретарь по идеологии. Непростая, надо сказать, должность. В зоне ответственности вопросы культуры, образования, социальной защиты. Кроме того, в обязанности вменялось заботиться о политической зрелости масс, для чего создавались кружки политпросвета, следить за своевременным появлением «Боевых листов» в бригадах и на фермах, за обновлением фотографий на Доске почета, вручать лучшим комбайнерам, дояркам, трактористам флаг трудовой славы. Только кто о них вспомнит через годы? Так появилась мысль о том, чтобы увековечить имена лучших земляков, сохранить память о них для потомков.

Не знаю, насколько мысль материальна. Но в том, что нужная, дельная мысль непременно отыщет похожую, но родившуюся в другой голове, убеждалась много раз.

Всегда есть о чем поговорить Галине Огороковой при встрече с митрополитом Курским и Рыльским Германом

Так случилось, что встретила Галина Павловна доброго, увлеченного, чуть чудаковатого человека по фамилии Переверзев. Жил он в колхозе имени Кирова и собирал едва ли не все подряд: от поломанных прялок до чьих-то древних, чудом уцелевших документов. И вот пришел он к секретарю райкома Огороковой с предложением: «Давайте районный краеведческий музей откроем».

Идея-то секретарю понравилась. Только в Медвенке, где всего 3,5 тысячи жителей, найти свободное помещение – дело, считай, невыполнимое. И, представьте, снится Галине Павловне сон, что есть возделенная комната в ПТУ. Ответ на ее утренний телефонный звонок директору училища подтвердил: сон вещий.

Так появился первый музей. Потом был художник Ефим Чепцов. И снова не обошлось без некоторого мистического флера: в кабинет к Галине Огороковой пришла Лидия Михайловна Гавриленко, в прошлом главный врач районной больницы, человек в поселке уважаемый и... родная племянница живописца. Вот тут-то секретарь РК КПСС и узнала, что дом, где живет Лидия Михайловна, в свое время принадлежал художнику, именно в этих стенах писал Ефим Михайлович некоторые, ставшие впоследствии знаменитыми полотна.

Племянница готова была отдать дом под мемориал знаменитого дяди. Но в обмен хотела квартиру в Курске.

Галина Павловна, функционер молодой и в силу этого обстоятельства не знающий всех правил игры, позвонила Гудкову, первому секретарю Курского обкома партии, нарушив все правила субординации!

Музей Е.М. Чепцова сегодня имеет статус филиала Курской государственной картинной галереи, давно стал важной точкой на туристической карте области. Как и музей Константина Воробьева, который теперь уже под патронажем областной администрации переселился в отреставрированный дом, где родился и вырос Константин Дмитриевич.

А теперь, пожалуй, пришла пора рассказать о том единственном случае, когда Галина Павловна сама, единолично, приняла решение.

Движение по карьерной лестнице привело ее к тому времени уже в обком партии. Заканчивались восьмидесятые, в воздухе ощущалась неизбежность перемен. И все-таки не особая прозорливость и тем более не хитрость заставили Галину Павловну искать возможность сойти с орбиты.

– Душно стало, – так объясняет она сегодня свой шаг. – И я решила: уйду при первой же возможности, воспользуюсь первой же вакансией.

Вакансия появилась в обществе «Знание». Бывшая в то время секре-

Общественная деятельность – нелегкая, серьезная работа, требующая великой самоотдачи

тарем обкома партии Светлана Ивановна Кононова хоть и без большого желания, согласие на перевод дала.

С этого момента начался новый период жизни Галины Огороковой. Впрочем, новый период начался тогда у всех в стране. Перемены оборачивались хаосом, неразберихой, утратой ориентиров и крушением судеб.

В этих волнах погибли многие местные организации общества «Знание». Курская – не просто выжила, но сумела так преобразоваться, что могла устоять многим. Именно здесь